

Интерпретация концепта «политическая деятельность» в современной философской мысли

© М.А. Максимов

КФ МГТУ им. Н.Э. Баумана, г. Калуга, 248000, Россия

Статья посвящена рассмотрению актуальных научных подходов к анализу концепта «политическая деятельность». Раскрываются особенности противоречивого развития современной политической системы. Особое внимание уделяется перспективам общественно-политических движений в современном мире.

Ключевые слова: *политическая деятельность, общественно-политическое движение, постмарксизм, агонизм, гегемония, социокультурная среда.*

В XX веке кризисное сознание человечества проходило ряд этапов в своем развитии, остро реагируя на многообразные проявления социально-экономических, политических и других трансформаций. И в настоящее время, наряду с новыми проблемами (глобально-экологическими, демографическими), на первый план снова выдвигается культурологическая и политологическая проблематика: кризис государственного развития при утрате идеалов и смыслообразующих ценностей. Переосмысливается и концептуальное содержание ряда основополагающих понятий, таких как «политика» и «общество». Целью данной статьи является *рассмотрение наиболее актуальных подходов к анализу концепта «политическая деятельность» и его возможных трактовок.*

Одной из распространенных тенденций в философском анализе социокультурной действительности продолжает оставаться постмодернизм. В рамках последнего социокультурная среда понимается как смешение безличных силовых полей, «социальная машинерия» (Ж. Делез): «больше нет ни природы, ни человека, есть лишь процесс, который производит одно в другом и состыковывает машины. Повсюду производящие и желающие машины, шизофренические машины, целая порождающая жизнь; я и не-я, внешнее и внутреннее больше ничего не значит» [5, с. 14]. С точки зрения ряда постмодернистов, общественно-исторический мир есть пространство бесконечной циркуляции знаков (самодостаточные симулякры), в результате чего стало невозможно провести грань между реальностью и фикцией. Человеческая деятельность теряет свою «событийность», практическую значимость, утрачивает свое коммуникативное измерение, превращаясь во вторичный продукт внешнего мира. В мире постмодерна индивиды

больше не способны обрести «самоидентичность», происходит «исчезновение социального» (Ж. Бодрийяр) — «на арене остаются только те, кому нечего сказать, и те, кто способен лишь молчать» [3].

Тем не менее, для различных современных мыслителей выход из кризисной ситуации видится, прежде всего, в осмыслении причин ее возникновения и возможностей сопротивления на духовном и социальном уровне; в конструировании и трактовке формирующегося нового типа человека; в попытках адаптации к происходящему и выявления возможностей развития новой социокультурной среды. Особую значимость обретают и различные политические практики, которые представляются позитивными возможностями реального участия в историческом процессе. Конструктивная оценка данных практик (и, соответственно, переосмысление концепта «политическая деятельность») сегодня является характерной для представителей *консенсусного* подхода к анализу общественно-политической реальности (Ю. Хабермас) и приверженцев *конфронтационного* подхода — «постмарксистов» (Э. Лакло, Ш. Муфф, А. Бадью, Ж. Рансьер и др.). Таким образом, одни теоретики полагают «политическое» пространством свободы и публичного обсуждения, другие считают его пространством власти, конфликта и антагонизма.

Действительно, с одной стороны, политические вопросы являются техническими вопросами, которые должны решаться экспертным сообществом. С другой, политические вопросы всегда включают в себя решения, которые требуют выбора между конфликтующими альтернативами. Традиционный либеральный взгляд на данную проблему можно свести к тому, что мы живем в мире, где существует множество точек зрения и ценностей, которые вследствие эмпирических ограничений не могут быть приняты нами целиком, но если объединить их вместе, то они могут составить гармоничный и неконфликтный ансамбль. Так, например, Хабермас в своих работах часто выражает уверенность в возможности универсального консенсуса между различными политическими силами¹. Политическая деятельность в таком понимании должна привести граждан к рациональному (моральному) согласию путем свободной дискуссии. С позицией Хабермаса не соглашаются представители «постмарксизма», которые помещают концепт «политическая деятельность» в некую область противостояния. При таком взгляде каждое политическое действие не становится шагом к преодолению борьбы между различными социальными субъектами,

¹ См.: Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. — СПб.: Наука, 2001.

но выступает в качестве иного способа конфликта. Каким же образом происходит развитие конкретной политической деятельности в форме конфликта?

Важно заметить, что отношение «мы»-«они» перестает выступать в постмарксистской теории в виде *антагонистического* отношения (друг-враг, свой/чужой), так как такое отношение (согласно идеям К. Шмитта) может привести к вооруженному столкновению, когда один участник угрожает существованию другого. При этом, нужно учитывать, что ресурс для возникновения антагонизма никогда не может быть полностью исчерпан. Поэтому «антагонистическая» политическая деятельность должна смениться «агонизмом» противников, «агонистической конфронтацией» (Ш. Муфф). Суть этой конфронтации заключается в том, что ее рамки постоянно переосмысляются и подвергаются трансформации в ходе борьбы «противников». В рамках данной конфронтации «агонизм» становится таким отношением «мы-они», при котором «конфликтующие стороны согласны в том, что рационального решения их конфликта не существует, в то же время каждая из сторон признает легитимность оппонента»¹ [8, с. 98]. Тем самым в пространстве модуса «агонизма» сфера человеческой жизнедеятельности способна перестать быть сферой конкуренции за обладание властью, в этой сфере начинают постоянно происходить процессы коренной трансформации отношений «господства», опровержения власти и преодоление господствующей гегемонии.

Итак, в современной философской мысли новое звучание приобретает термин «гегемония» (широко используемый А. Грамши в первой половине XX в.). Постмарксисты указывают на невозможность однозначной детерминации социального субъекта какой-либо структурой, так как нельзя четко зафиксировать противоречивые действия этого субъекта. Конечно, общественные процессы подлежат постоянному регулированию, но при этом они обладают лишь относительным характером, представляют собой своеобразную попытку установить гегемонию над социокультурным бытием. Установление гегемонии непосредственно связано с антагонистической борьбой за придание конкретным коллективным субъектам руководящей роли. Любой общественно-политический порядок представляет собой результат серии попыток установления определенной структуры, но данное институциональное оформление конкретной политической деятельности будет являться случайным. Сложившийся порядок будет основываться

¹ Муфф Ш. Политика и политическое // Политико-философский ежегодник. — М., ИФРАН, 2008. — С. 98.

на исключении других возможностей, которые были подавлены и которые могут быть реактивированы. В связи с этим, в рамках политической реальности разделяются «гегемонистские» (благодаря которым устанавливается определенный порядок и фиксируется значение социальных установлений) и «контргегемонистские» практики (попытки реорганизовать существующий порядок).

В результате концепт «политическая деятельность» осмысливается в неразрывной связи с процессом столкновения различных проектов гегемонии. Подобное столкновение может стать конфронтацией, регулируемой различными демократическими процедурами, которые принимаются каждой из конфликтующих сторон. Тем самым отрицается сама возможность демократической политики без конфронтации. И если, с точки зрения Ю. Хабермаса, публичное пространство является территорией, где может потенциально возникнуть согласие, то с точки зрения постмарксистов, публичное пространство становится пространством конфликта, где сталкиваются особые формы индивидуальности и идентичности [9]. *Насколько же возможно всеобщее рациональное согласие в рамках демократического общественно-политического порядка?*

Пытаясь ответить на данный вопрос, следует сразу обратить внимание на проблематичность существования внешне беспристрастных процедур, способствующие развитию демократических институтов. Формальные условия достижения консенсуса в реальной политической практике постоянно подлежат трансформации. Политика как деятельность, как правило, пристрастна, и если путем непоследовательных компромиссов отменять «агонистическую» модель, то можно невольно утратить смысл демократического развития политической системы.

Исходя из такого предположения, одной из главных задач для постмарксистов становится прояснение сущности политических явлений и возможностей демократических перспектив в современной социокультурной реальности. Ими делается акцент не на базисных, но на политических противоречиях. Под самой «политикой» здесь понимаются не формы господства, а способы совместного бытия индивидов. Политический порядок определяется не соседством свободы и несвободы, а именно отношением свободы с иными формами свободы, отношением между различными идеологиями, политическими идеями.

Каким же образом индивид взаимодействует с противоречивой культурно-политической реальностью? Ведь человек, принимая участие в политике, обычно руководствуется тем, что он имеет дело с определенными, устойчивыми структурами. Но, как считают Лакло, Муфф и Бадью, такие структуры в социокультурном пространстве не способны окончательно сформироваться, данные структуры являются лишь

производными от коммуникативных процессов. И если посредством деятельности индивидов осуществляется политическая легитимация тех или иных форм устройства общественных институтов, то это явление лишь подчеркивает постоянную политическую многовариативность. Политические институты и социальные структуры не должны представлять как воплощение «согласия», но призваны способствовать становлению новых индивидуальных миров. При этом нужно не столько стимулировать рост различий и конфликтов между людьми, сколько пытаться найти новые и гибкие формы объединения индивидов и локальных сообществ.

Более радикальную позицию по данному вопросу занимает современный французский мыслитель Жак Рансьер. По его мнению, концепт «политическая деятельность» следует очистить от «полицейских» характеристик (стремление представить общество как состоящее из групп, посвящающих себя специфическим образам действия; навязывание четких разделений в рамках социальной системы). Таким образом, действия в рамках административного аппарата и представительных институтов власти становятся для Рансьера лишь очередным выражением полицейского контроля за населением. Политические же отношения между людьми не должны быть ориентированы на господство, но создавать сферу не-господства, сферу «свободной игры конфликтов», «чистого самопроявления». Демократия в таком случае перестает существовать в форме абстрактного политического режима, но проявляет свою действительную сущность — «обнаружение разногласия как присутствия двух миров в одном»¹, постоянное переопределение пространства сопротивления и его субъектов. Если «полицейская» гегемония государственных учреждений характеризуется тонкими механизмами доминирования, связанными с конструированием согласия подчиненных, то актуальная политическая деятельность предполагает создание альтернативных пространств субъективации, постоянное изменение границ между публичным и приватным, государством и гражданским обществом. В итоге постепенно становится реальной альтернатива «полицейскому» порядку — «*сообщество равных*», где участники не проводят размежевания между повседневным существованием и политикой, проявляя собственную самостоятельность. Тем не менее, подобная реконструкция политической сферы деятельности может привести к аполитичному существованию большинства граждан или к маргинализации сторонников радикальных общественно-политических движений.

¹ Рансьер Ж. На краю политического. - М., Праксис, 2006. — С. 210.

Избегая тенденций сектантства и «квазиреволюционности», современному общественно-политическому движению следует обрести способность «повторить» уроки традиционных движений протеста: «повторить» не в смысле их деятельности, а в смысле практического воплощения их упущенных возможностей. В рамках концепции В. Беньямина данное «повторение» означает, что общественно-политическому движению необходимо обнаружить нереализованные возможности практик сопротивления существующему социальному порядку и воплотить их в определенном отрицании данного порядка [2, с. 82]. Сама социальная реальность должна интересовать субъекта политической деятельности и в качестве прошлых событий — в плане реконструкции опыта свободы, которому угрожает «выпадение» из исторической памяти. Субъект должен сохранять «верность» этим событиям (А. Бадью), причем эта верность должна оставаться практическим вопросом — вопросом действия, вопросом организации. Отказываясь от ценностей и идеалов освободительной деятельности, субъект политической деятельности может поставить под угрозу свое существование. При этом общественно-политическое движение должно быть готовым к рискованному действию, быть готовым совместить прежний опыт «праксиса» с инновационной деятельностью, направленной на трансформацию системы и «переворачивание» иерархических структур. Как пишет А. Магун, перспективной тенденцией в развитии такого рода движения является именно неразрывная взаимосвязь теоретического осмысления «уроков прошлого» с мгновенным, решительным действием, преобразующее ситуацию, изнутри которой проблема политической деятельности была неразрешима [7].

В итоге, общественно-политическое движение способно утратить свой утопический характер и тем самым развить в себе потенциал новых общественных изменений, *стремится идентифицировать существующие возможности преобразования социального бытия*. Проблема заключается в том, что «верность опыту свободы» в современных условиях достигла, по словам А. Бадью, «предела насыщения» [1]. Такое «насыщение» наступает в той ситуации, когда субъект не может найти ничего нового в сфере прежнего опыта (скажем, в опыте партийной политики). Возможна и негативная интерпретация этого «насыщения» (усиление реакционных тенденций во властных структурах), но возможна и положительная — продолжить осмысление и систематизирование социально-политического опыта, рассматривать изменение общественно-политического порядка как метафору-образ, искать новые формы организации (скорее всего, основанные на непрерывной циркуляции индивидов в отношениях «руководство-руководимые»).

Здесь можно говорить о понятии «множества», под которым обычно понимаются различные политически активные группы наемных работников «нематериального труда» в постиндустриальной среде. Но нужно избегать новых мистификаций субъекта политической деятельности (например, интерпретация феномена «множеств» как неорганизованной массы или неподчиняющейся государственной воли толпы) и стараться переопределить структуру и конфигурацию последней, так как она не становится завершенной в условиях развития современной политической системы [4].

Но проблема осознания отношений взаимозависимости между всеми сферами человеческой жизнедеятельности остается очень важной и противоречивой. Словенский философ С. Жижек в своей книге «Устройство разрыва» пишет об опасности «размывания контуров» между пространствами демократической идеологии, осуществления власти и процессом экономического (вос)производства. Ведь если «политическая борьба ведется на территории экономики, тогда как область экономики в то же самое время служит ключом, позволяющим нам расшифровать политическую борьбу» [6, с. 418–419] — это еще не означает, что логики политики и экономики (равно как и культуры) легко сводятся друг к другу. Но обозначенные выше «отношения» существуют (в противном случае, отрицалось бы существование самой политической, экономической и социокультурной реальностей), и в силу постоянного революционизирования капиталистической системы наделяются чрезмерной открытостью и случайностью. Можно даже говорить о некоем избытке «реальности» (например, спекуляция денежными ресурсами, ведущая к порождению еще большего числа данных ресурсов). В этом контексте является ошибочным сведение экономической сферы к «чистой политике» (отчасти характерное для концепций Бадью и Рансьера). Так, С. Жижек пишет: «Взаимосвязь экономики и политики — это, в конечном счете, взаимосвязь известного визуального парадокса «двух лиц или вазы»: видна либо ваза, либо два лица, но никогда и то и другое вместе — каждый должен сделать выбор. Точно так же — либо мы фокусируемся на политическом, и тогда область экономики сводится к эмпирическому «движению товаров», либо сосредотачиваемся на экономике, а политика сводится к театру видимостей, к преходящему феномену, который исчезнет с приходом развитого коммунистического (или технократического) общества» [6, с. 421], когда «управление людьми» заменится «управлением вещами» (Ф. Энгельс). Обратим внимание, что в данном размышлении упор сделан на двух сферах — политической и экономической. Но не

менее важным является «включение» в контекст данного размышления *социокультурного аспекта*. И не исключено, что именно изменение культурных ценностей, иной взгляд на социокультурную среду как на «третье измерение» (возможно, наделенное большей ценностью) позволит в конечном итоге прийти к осознанию необходимости постоянной трансформации системы человеческих взаимоотношений.

В завершение статьи можно сделать следующие выводы:

1. В настоящее время остается необходимой *дальнейшая концептуализация актуальных процессов конструирования современной политической системы*. Актуальные подходы Ю. Хабермаса, Ш. Муфф, А. Бадью, Ж. Рансьера, С. Жижека к анализу политической реальности способствуют пониманию возможности самоорганизации людей в рамках новой социокультурной среды.

2. *Для становления нового общественно-политического движения является необходимым не только предложение культурных альтернатив, но и раскрытие целостности процесса исторического развития*. Возможно, такое раскрытие уже становится активной деятельностью, направленной на преобразование системы социальных отношений. И следует не столько стимулировать рост различий и конфликтов между людьми, сколько пытаться найти новые и гибкие формы объединения индивидов и локальных сообществ в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. Екатеринбург, У-Фактория, 2007, 672 с.
- [2] Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, УРГУ, 2000, 98 с.
- [3] Муфф Ш. Политика и политическое. Политико-философский ежегодник. М., ИФРАН, 2008, с. 88–102.
- [4] Муфф Ш. Пространства публичной полемики, демократическая политика и динамика настроений. URL: http://2nd.moscowbiennale.ru/ru/muff_doklad1.
- [5] Беньямин В. О понятии истории. Новое литературное обозрение, 2000, № 46.
- [6] Магун А. В. Что значит — ориентироваться в истории? О перспективах левого движения. Космополис, 2005, № 5.
- [7] Бадью А. Родовая идентичность рабочего класса достигла предела насыщения. URL: http://www.scepsis.ru/library/id_1492.html.
- [8] Вирно П. Грамматика множества. М., Ад Маргинем, 2013, 176 с.
- [9] Жижек С. Устройство разрыва. М., Европа, 2008, 516 с.
- [10] Рансьер Ж. На краю политического. М., Праксис, 2006, 240 с.

Статья поступила в редакцию 05.08.2013

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Максимов М.А. Интерпретация концепта «политическая деятельность» в современной философской мысли. *Гуманитарный вестник*, 2013, вып. 4. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/phil/hidden/64.html>

Максимов Михаил Александрович — канд. филос. наук, доцент кафедры философии и политологии КФ МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: mikecloud@mail.ru